

Германия после Аугсбургского мира. Постановлениями Аугсбургского мира были одинаково недовольны обе примирившиеся стороны, и несоблюдение их служило постоянными поводами к ссорам и недоразумениям. Особенно много пререканий возбуждал нерешенный окончательно вопрос о праве про-

тестантов занимать церковные должности, с которыми соединялось владение государством. Однако несмотря на все недоразумения, дело не доходило до войны, благодаря отчасти отвращению от нее Германии, утомленной прежними междоусобицами, отчасти и миролюбивому характеру императоров,—*Фердинанда I* (1555—1564) и *Максимилиана II* (1564—1576). В правление этих государей реформация распространялась свободно не только по северной Германии, но проникла и в южную и даже в наследственные габсбургские земли—Австрию, Чехию, Венгрию, Моравию, Силезию, Штирию, Каринтию и Крайну. В виду столь быстрых успехов протестантизма, стала собираться с силами и католическая реакция, тем более, что деятельность иезуитов начала приносить плоды и в Германии. Между самими германскими князьями явились их воспитанники, воодушевленные фанатической ревностью к интересам старой церкви. Таковы были: *Максимилиан баварский* и *Фердинанд штирийский*, которые насильственными мерами, конфискациями, изгнаниями и т. п. успели уже искоренить протестантизм в своих владениях. Религиозный фанатизм католических государей заставил, наконец, протестантских князей южной Германии составить (в 1608 г.) „унию“, т. е. вооруженный союз для защиты своей религии; главой этой унии был избран *Фридрих V, курфюрст пфальцский*. В ответ на этот союз католические князья того же края, во главе с Максимилианом баварским и Фердинандом штирийским, образовали также союз—„лигу“ (1609 г.). Таким образом, Германия разделилась на два враждебных лагеря, стоявших друг против друга с оружием в руках.

Распространение протестантизма в Германии.

Протестантская уния (1608 г.) и католическая лига.

Императором Германии в это время был преемник Максимилиана II, *Рудольф II* (1577—1612), человек вялый и бесхарактерный, вследствие чего имперские чины назначили для управления империй его брата, *Матфия*. Тогда Рудольфу чтобы удержать за собой хотя бы свои наследственные земли, дал чехам в 1609 году так называемую „Грамоту Величества“, по которой, между прочим, протестантам была предоставлена полная свобода вероисповедания с правом строить церкви, заводить училища и иметь свои синоды. После смерти Рудольфа его место занял *Матфий* (1612—1618), который также не был способен справиться с затруднительными обстоя-

тельствами времени, и потому чины, для спасения Габсбургского дома, назначили и Матфию опекуна в лице способнейшего из своей среды — *Фердинанда тирийского*, тотчас же принявшего против протестантов меры, которые он практиковал уже в своих собственных землях.

Повод к войне и начало ее. Дело началось с того, что Фердинанд, нарушив „*Грамоту Величества*“, стал закрывать в Чехии протестантские церкви, что и возбудило в стране, особенно в Праге, открытое восстание. Инсургенты напали на городской замок, в котором жили наместники Фердинанда, и, по старому обычаю, выкинули их в окно. Восстание это и было началом Тридцатилетней войны. Смута распространилась и на соседние габсбургские земли — Венгрию, Моравию и Силезию. Среди таких обстоятельств умер Матфий (1619 г.), и курфюрсты согласились предоставить преемство на императорском престоле *Фердинанду тирийскому*. Разумеется, избрание такого человека в сан императора возбудило ужас во всех германских протестантских землях, а чехи прямо *отказались признавать его своим государем* и предложили корону св. Вацлава *Фридриху пфальцскому*, руководствуясь тем расчетом, что Фридрих, как зять английского короля (Иакова I) и глава унии, сможет доставить им содействие всего протестантского союза, а может быть, даже Англии и Голландии. Однако этот расчет оказался ошибочным, а сам Фридрих — неспособным к энергичной деятельности.

Восстание
в Праге.

Фердинанд
II.

Белогорская
битва (1620
г.) и ее
последствия

Но и Фердинанд был тоже безоружен; чтобы бороться с восстанием, поднятым чехами, ему пришлось обратиться с просьбой о помощи к лиге. а именно, к главе ее, — Максимилиану баварскому, который и выставил для Фердинанда (под залог Австрии) наемное войско в 20 т. человек, под предводительством *Тилли*. Войско это в *1620 году* двинулось к Праге и застало Фридриха врасплох. Наскоро собранная чешская армия выступила навстречу Тилли, но при *Белой горе* была разбита наголову. Роковая битва эта повлекла за собой самые несчастные последствия для чешской народности и чешского протестантизма. Около 30 тыс. чешских семейств было изгнано из страны, в том числе 5 тыс. дворянских родов; имущество изгнанников было конфисковано; протестантам было запрещено заниматься ремеслами; даже браки их признавались правитель-

ством незаконными; вместе с тем началась насильственная германизация края. Фридрих бежал из Праги, а Тилли перенес войну в его собственные владения, Пфальц, и страшно опустошил их; уния распалась, и протестантизм в Германии остался беззащитным.

Вмешательство в войну Дании и Альбрехт Валленштейн. В виду такого торжества реакции, протестантские князья — курфюрст саксонский и курфюрст бранденбургский, опять увидели себя в необходимости организовать новый вооруженный союз для защиты своей веры и независимости. Из соседних протестантских государей король *Христиан IV датский* прежде всех выступил на защиту протестантизма, во 1-х, как немецкий князь, владевший в Германии Шлезвигом и Голштейном, во 2-х, как протестант, которому успехи католической реакции могли угрожать в его собственных владениях; англичане и голландцы обязались поддерживать его денежными субсидиями. Эта *датская война* начавшаяся в 1625 году, важна была для Фердинанда в том отношении, что сделала его независимым от лиги, так как до сих пор, не имея собственного войска, он вел войну с протестантами силами лиги, полководец которой, Тилли, полновластно распоряжался в Германии. Теперь же Фердинанду удалось выставить собственное войско, благодаря содействию знаменитого кондотьера эпохи, — *Альбрехта Валленштейна*.

Род Валленштейна принадлежал не к магнатскому, а к среднему чешско-немецкому дворянству. Родители его были протестанты, но, по особым случайностям своего детства, Валленштейн воспитан был в одной из иезуитских коллегий, из которой, против обыкновения, не вышел ревностным католиком. На военном поприще Валленштейн отличился в первый раз на службе у Фердинанда штирийского, в войне с Венецией, где он мог уже сформировать собственный полк, а удачной женитьбой сумел составить себе богатое состояние, увеличенное им особенно во время конфискаций и публичных продаж имений изгнанных чешских протестантов. Благодарный Фердинанд также вознаградил Валленштейна за его службу Фридрихландским герцогством. С таким, чисто королевским, состоянием Валленштейн мог формировать целые армии.

Альбрехт
Валлен-
штейн.

Когда началась датская война, Валленштейн сам предложил императору свои услуги и, набрав для него 50 тыс. войска, двинулся с ним в северную Германию, разбил войска Христиана и его союзника, графа *Мансфельда* (родственника

Фридриха V), *изгнал мекленбургских герцогов из их владений* и занял *Померанию*; в награду за эти услуги император должен был обещать ему *Мекленбург*. Разбитый датский король, по миру в Любеке (1629 г.), отказался от войны, не потеряв, впрочем, ничего из своих владений в Германии.

Реституционный эдикт и его значение. Император, воспользовавшись тем, что протестантизм теперь, по-видимому, остался совершенно беззащитным, издал, по совету иезуитов и лиги, так называемый „*Реституционный эдикт*“ (1629 г.), в силу которого католической церкви должны были быть возвращены те ее земли и владения, которые успели захватить протестанты с времени Пассауского перемирия, т. е. с 1552 года. Издание этого эдикта было большой политической ошибкой; император не сообразил, что эта мера произведет целую революцию, что сотни тысяч крестьянских семейств будут пущены по миру и что реституция неизбежно возбудит отчаянное сопротивление во всей империи.

В то же время поднялось волнение и среди католических князей, все более и более негодовавших на самоуправство и насилие Валленштейна; князья находили, что император нарушил права немецкого сейма и областных государей, дав Валленштейну неограниченную власть принимать всякие меры, какие найдет он надобным. Наконец, католические князья, достигнув успеха в своем желании ослабить протестантских государей отнятием секуляризованных церковных имений, уже не имели надобности терпеть, чтобы продолжалось самовластие императора и Валленштейна, бывшего орудием его деспотизма. Поэтому они настойчиво потребовали отставки Валленштейна. Фердинанд уступил. Но в то самое время, когда во всей стране кипело брожение, вызванное Реституционным эдиктом, а Валленштейн распускал свою армию, на северных берегах Германии высаживался со своим победоносным войском новый защитник протестантизма, шведский король, *Густав Адольф*.

Вмешательство в войну Швеции и Густав Адольф (1611 — 1632). Густав Адольф был внуком Густава Вазы, сыном Карла IX, все правление которого протекло в войнах с Данией, Германией и Польшей за обладание

берегами Балтийского моря. В 1620 году почти все эти берега были уже во власти шведов; но пока *Померания и Мекленбург* находились в руках Валленштейна, шведское владычество на этом море не могло считаться обеспеченным. Вот главная причина, заставившая Густава Адольфа принять участие в 30-летней войне. Кроме того, была и другая причина, побудившая Густава Адольфа выступить на борьбу с Габсбургами.

Причины, побудившие Густава Адольфа принять участие в 30-летней войне.

Незадолго перед тем он только что покончил войну, при помощи Ришелье, со своим двоюродным братом, польским королем, *Сигизмундом III*, за шведскую корону. Сигизмунд III, как воспитанник иезуитов, сделавший свою столицу, *Варшаву, третьим политическим центром католической реакции*, был ревностным сторонником габсбургской политики; он охотно отдал бы Польшу Австрии, если бы Габсбурги могли ему овладеть Швецией и начать там восстановление католицизма. Густав хорошо понимал, что, если Габсбурги победят в Германии, то это даст возможность и Сигизмунду III решительнее действовать по отношению к Швеции. Наконец, шведский король, как *ревностный протестант*, выступил на защиту протестантизма, подавление которого в Германии могло отразиться и на его собственной земле.

Положение Густава Адольфа, высадившегося в 1630 году на северных берегах Германии, было довольно рискованное. Во 1-х, он предпринял эту войну вопреки желанию шведских сословий; во 2-х, Дания и Польша, побежденная перед тем Швецией, зорко следили за каждым движением смелого полководца, — в надежде воспользоваться первой его неудачей, чтобы напасть на его собственные владения; в 3-х, в самой Германии у короля не было еще ни одного союзника, так как даже протестантские князья держали себя сначала чрезвычайно уклончиво, а сильнейшие из них, — курфюрсты саксонский и бранденбургский, ограничились вооруженным нейтралитетом. Но зато Густав Адольф, лучший полководец своего века, сам стоял во главе победоносной армии, первой в тогдашней Европе, как по устройству и дисциплине, так и по рыцарскому духу, которым она была проникнута, армией не наемной, а национальной, одушевленной патриотическим чувством и безграничной преданностью своему вождю и делу протестантизма.

Тяжелое положение Густава Адольфа в сев. Германии.

Осторожно и медленно очистив Померанию и Мекленбург от отрядов Валленштейна и упрочив за шведской короной обладание первой из этих областей, шведский король принудил, наконец, и протестантских князей открыто принять его сторо-

Первые действия Густава Адольфа в Германии.

ну, чему способствовало особенно взятие Тилли саксонского города *Магдебурга*; кроме того, Густав заключил дружественный трактат с Францией, по которому Ришелье обязался выдавать ему денежные субсидии. Обеспечив себя с тылу, шведы двинулись далее, в Саксонию, и, встретив Тилли под *Лейпцигом*, разбили его наголову, чем и уничтожены были единственные вооруженные силы, остающиеся еще у императора и католической лиги. Предоставив затем саксонцам движение в Чехию, Густав двинулся в южную Германию, разгромил еще раз остатки армии Тилли при реке *Лехе*, нагрянул затем на самое гнездо католической реакции, *Баварию*, и покорил ее. Теперь шведский король мог беспрепятственно идти на самую Вену, так как император остался беззащитным: у него не было ни армии, ни денег. Был лишь один человек, который мог еще поддержать колебавшийся престол Габсбургов; это был Валленштейн, и к нему то обратился с просьбой император. Мстительный герцог фридландский долго отказывался от самых лестных предложений, шедших из Вены, и когда, наконец, согласился выставить для императора 50-тысячную армию, то на таких высокомерных условиях, которые равнялись отречению императора от всех прав своей верховной власти; но, в виду слишком критического положения, Венский двор вынужден был согласиться и на эти невозможные условия.

Битвы под Лейпцигом и при р. Лехе.

Вторичное появление на сцене действий Валленштейна.

Битва при Люцене и смерть Густава Адольфа. 1632 г.

После этого Валленштейн, действительно, сформировал 50-тысячную армию, с которой весной 1632 года и открыл кампанию очищением Чехии от саксонцев, а затем перешел и в самую Саксонию, надеясь таким способом вызвать Густава Адольфа из южной Германии. Действительно, шведский король, не считая возможным оставить без помощи своего союзника, двинулся в Саксонию и встретил Валленштейна у *Люцена*, где два величайших полководца своего времени померились силами и гением. В этой знаменитой битве шведы одержали решительную победу, но за то поплатились за нее слишком дорого: они лишились в ней своего царственного вождя (1632 г.).

Второй период войны. Со смертью Густава Адольфа оканчивается, так сказать, героический период 30-летней войны, и сама эта война, *потеряв* всякий *религиозный* и *политический* интерес, которыми отличалась она в первом периоде, превращается в бессмысленную бойню, в какую-то ди-

кую свалку, в которой под конец никто уже не знал, где друзья и где враги. В самом шведском лагере обнаруживается раздор; генералы, принявшие начальство над шведскими войсками, действовали не единодушно; одни, вместе с канцлером *Оксенштирной*, стояли за мир, другие, с *Бернгардом Веймарским* во главе, желали продолжать войну. В шведских войсках падает то высокое религиозное воодушевление, та строгая дисциплина и тот образцовый военный дух, которыми славились они до тех пор, и шведские солдаты превращаются в таких же грабителей и разбойников, как и наемники императорской армии.

Между тем, Валленштейн, вместо того, чтобы воспользоваться замешательством шведов после смерти их вождя и короля, удалился в Чехию и, поселившись в Праге, провел всю зиму и весну 1633 года в полном бездействии, не предпринимая решительно ничего. В то же время он стал вести переговоры с Саксонией, Швецией и Францией, тщательно скрывая их от Венского двора. Узнав об этом, Фердинанд считал себя в праве поступить с Валленштейном, как с изменником: из лиц, близких к Валленштейну, он составил заговор, жертвой которого и пал герцог фридландский в 1634 году, в крепости *Эгере*.

После смерти Валленштейна, императорской армии удалось одержать над шведами блестящую победу, после чего германский протестантизм опять остался без защиты. Тогда Франция открыто выступила на театр войны, склонив одного из лучших генералов Густава Адольфа, Бернгарда Веймарского, составить для нее 18-тысячную армию, которая должна была действовать в пользу Франции и содержаться на французские деньги. Кроме того, Ришелье выставил и собственный 15-тысячный корпус, в котором приняла участие вся лучшая молодежь тогдашней французской армии, в том числе *Конде*, *Тюренн* и другие, прославившиеся впоследствии в войнах Людовика XIV.

Начиная с этого времени и до самого окончания войны, т. е. в течение целых 13 лет, военные действия носят уже совершенно иной характер и состоят большей частью из отдельных схваток, грабежей и разбоев. Это была самая бедственная для Германии и самая бесславная эпоха в истории 30-

Смерть Валленштейна.

Открытое вмешательство в войну Франции.

летней войны, — время, когда солдатами обуюла совершенная одичалость, а вождями — жажда корысти и приобретений. Среди этой общей свалки шведы и французы все же имели некоторый перевес, и три крупных поражения, которые понесли императорские войска, сломили, наконец, упорство Венского двора и принудили его к миру (1648 г.).

Вестфальский мир (1648 г.) и его значение.

Переговоры, приведшие к миру, был и также продолжительны, сложны и запутаны, как сама война, и тянулись целых семь лет. По двум вестфальским городам (Мюнстеру и Оснабрюку), в которых велись переговоры, и самый трактат называется *Вестфальским*.

Вестфальский конгресс установил тот нормальный порядок международных отношений в западной Европе, который признавался законным вплоть до (французской революции т. е. до конца XVIII века.

Постановления Вестфальского мира распадаются на *три* части: во 1-х, постановления, касавшиеся *земельных уступок*, сделанных иностранным державам, участвовавшим в войне; во 2-х, постановления, касавшиеся *церковно-религиозных отношений*, и в 3-х, постановления, которыми определялось *устройство Римско-немецкой империи*.

Территориальные изменения.

Первая часть была упорядочена таким образом. *Швеция*, за жертвы, принесенные ею в 30-летней войне, *получила* почти всю *Померанию* с городом Штеттином и островом Рюгеном. *Франции* были окончательно уступлены три лотарингских епископства — *Мец, Туль, Вердюн* — и *Бургундия*; кроме того, все немецкие пограничные крепости по обоим берегам Рейна должны были быть срыты. *Мекленбургские герцоги* были *восстановлены в своих прежних правах*. Владетельный *пфальцкий род*, в лице сына Фридриха V, также *получил свои владения*, кроме верхнего Пфальца, и *курфюршеское достоинство*. *Бавария* *получила Пфальц* и *курфюршеское достоинство*.

Церковные отношения.

Что касается *церковных отношений*, то кроме католиков и лютеран, свобода вероисповедания предоставлена была и *кальвинистам*; но зато, кроме этих трех церквей, никакая

другая не могла быть терпима в империи. Последователи трех названных исповеданий совершенно были сравнены в правах. *Реституционный эдикт* постановлено было привести в исполнение только относительно тех земель, которые были захвачены протестантами с 1 января 1624 года. Подданные государей получили право свободного перехода из одной религии в другую, и бесчеловечное положение, — *cuius regio, eius religio* — отменено.

Что касается *внутреннего устройства* империи, то Вестфальский мир закончил собой вековую *борьбу партикуляризма немецких князей с централистическими стремлениями императорской власти*. Трактат 1648 года увенчал этот партикуляризм полным успехом и надолго узаконил в Германии аристократию князей и городов, так как предоставил имперским князьям в их областях все права величества, т. е. право издавать законы, вести войну, заключать мир, налагать подати и даже право заключать союзы и договоры с иностранными державами, лишь бы эти обязательства не были против империи императора. Вся законодательная власть в империи перешла теперь в руки *сейма*, который разделялся на три коллегии—*курфюрстов, князей и городов*. Каждая коллегия совещалась отдельно и подавала один общий голос; для того, чтобы составилось мнение сейма, нужно было согласие всех трех коллегий; в таком только случае и по утверждении императором, оно становилось имперским определением.

Так окончательно раздробленная Германия кончила надолго свою первенствующую роль в западной Европе. Эту роль стала играть теперь *Швеция* на севере, а *Франция* на западе, особенно с того времени, когда Людовику XIV удалось совершить правительственную централизацию в духе Ришелье, и когда эта держава сделалась на долго преобладающей не только в политическом и военном, но и в культурном отношении.

Следствия Тридцатилетней войны. Тридцатилетняя война погубила Германию. Вестфальский конгресс, как мы видели, узаконил *полнейший партикуляризм в Германии*, лишил императора всякой действительной власти, оставив за ним лишь право выдавать дворянские титулы, а самый *сейм*, долженствовавший управлять империей, очень скоро обратился в пустую форму, которую сначала еще соблюдали, а потом и соблюдать перестали. Князья не только не желали ездить на сейм, но не редко не посылали туда даже и уполномоченных; да и не стоило, потому что сейм редко приходил к какому-

либо решению; дела запутывались в бесчисленных возражениях, формальностях и проволочках, а империя, т. е. император и сейм со своими тремя коллегиями, сделались чистой комедией. В действительности, все две тысячи имперских территорий жили каждая сама по себе и мало заботились об общем.

Имперские города также не могли оправиться от бедствий, нанесенных им 30-летней войной; энергия немецких горожан была надолго подавлена ею. Торговля ганзейских городов перешла в руки англичан, голландцев, датчан; город за городом выходил из союза, и наконец в нем остались Гамбург, Бремен и Любек. Сельское хозяйство, промышленность и торговля Германии, находившиеся перед 30-летней войной в цветущем состоянии, погибли после войны. Нивы поросли бурьяном, многолюдные города, богатые селения обратились в развалины, покрытые пеплом пожаров. Оружие, голод, поварные болезни истребили более половины населения Германии. Не было в стране ни одной области, которая не подверглась бы грабежу и опустошениям. Какое бы войско ни шло, свое или неприятельское, было все равно для местности, по которой оно шло: свои и чужие грабили ее одинаково; все войска состояли из разноплеменных наемников, не знавших никакого чувства, кроме привычки к пьянству, буйству и грабежам.

Тридцатилетняя война имела губительное влияние также на умственную и нравственную жизнь немецкого народа. Культура эпохи реформации исчезла. Живой дух, воспринятый протестантизмом от реформатов, заменился бездушным поклонением букве официально утвержденных изложений веры, рабским поклонением авторитету. Наука и искусство обратились в безжизненное педанство; университеты почти исчезли во время войны и не скоро поправились после нее; профессора их бессмысленно рылись в мелочах, были ученые невежды; студенты научились от солдат и офицеров во время войны пьянству и безобразиям, привыкли к ужасающей грубости нравов. Народные школы, для развития которых было сделано так много в эпоху реформации, находились теперь в глубоком упадке и также не скоро были подняты из него заботливостью доброжелательных государей, министров и педагогов.

В литературе подражание иностранному фальшивому изяществу заглушило национальные элементы творчества; французский язык, французские обычаи и моды надолго приобрели владичество в образованных сословиях. Немецкая национальная жизнь была испорчена; немецкий народ подвергся продолжительному изнеможению и в политическом, и в умственном отношении. Нужна была вся энергия его сил, чтобы подняться из этого глубокого государственного, материального, умственного и нравственного упадка.